

С ПИСЬМЕННОГО
СТОЛА
ПИСАТЕЛЯ

рассказ

77

*Ахат
Мушинский*

СИДИМ с восьмилетней дочкой на знаменитой московской площади, в разбитом там просторном сквере у памятника Пушкину. Май, солнечно, на ветвистых липах и аккуратно подстриженных кустарниках развернулись клейкие листочки – на них ещё ни пылинки, и в ярко-зелёной гуще радостно шебаршатся воробьи.

Говорю:

– Май – самый весёлый месяц года. Кстати, – киваю на памятник, – наш Александр Сергеич как раз в мае родился.

Моя всезнайка пожимает плечами:

– А нам говорили, что шестого июня.

– Правильно, Лия. Но это – по новому стилю календаря. А так, по тогдашнему времени, он майский, двадцать шестого мая на свет появился.

Нас удобно приютила длинная парковая скамья. Я, немного уставший от ходьбы по улицам и площадям, откинулся на выгнутую спинку, дочь сидит на чуть возвышенном краешке, поставив, как взрослая, свои ножки в лёгких сандалиях на красную крошку гравия. Не болтать же ими перед Александром Сергеевичем!

Пушкин напротив нас. В полупрофиль. Голова поэта в буйных кудрях склонена в задумчивости, одна рука заложена за борт жилетки, другая держит за спиной широкополую шляпу. На постаменте с нашей стороны надпись:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые
 я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокий век
 восславил я Свободу
 И милость к падшим призывал.

78

Я рассказываю, что площадь эта раньше называлась Страстной, и памятник стоял на другой стороне Тверской улицы, в начале бульвара. А потом, в 1950 году, его перенесли сюда, на место снесённой колокольни Страстного монастыря, и развернули на 180 градусов. А на месте самого монастыря теперь вот кинотеатр*. – Я указываю подбородком на широкое по фасаду, с большим козырьком здание за спиной памятника в конце сквера.

В ответ Лия вдруг произносит:

– Ты же, папа, тоже майский.

– Да, – смеюсь я, – только на день позже родился...

– 27-го – уточняет памятливая дочура.

– За разговором мы не замечаем, как на другом конце скамьи появляется дама преклонных лет в соломенной шляпке. Она, как и моя кроха, примостилась на самом краешке, не пытаясь откинуться на покатую спинку. В руках дама держит букет разноцветных фиалок. Замерев в неподвижности, она сжимает связанные стебли маленькими аристократическими ладонями, словно боится, что цветочки её могут вырваться и улететь.

Мы примолкаем. Лишь только тихо всезнайка замечает:

– Анютины глазки.

– Да, верно, – также полушёпотом отвечаю я.

Этот вид фиалок известен мне, хотя в цветах разбираюсь, вообще-то, не шибко. И, чтобы не отвлекать даму нашими разговорами, мы начинаем внимательно разглядывать бронзовое изваяние. Всё оно, с головы до ног, по-

крыто светло-зелёной патиной. И только теперь рассмотрел: поверх жилетки – сюртук, а поверх сюртука ещё и крылатка накинута – одно одеяние длиннее другого.

Тем временем наша неподвижная соседка глубоко вздыхает, встаёт и удивительно лёгкой для её возраста походкой направляется к памятнику. Поднимается по ступеням, опоясывающим постамент, вскидывает взор на бронзовый лик поэта, что-то шепчет и, развязав букет, возлагает разноцветные фиалки в низовье пьедестала.

Я не выдерживаю и, склонившись к Лии, шепчу:

– Это Мария Александровна, дочь Пушкина.

– Ладно уж тебе, папа, шутить! Ей что, двести лет?

– Не двести, конечно. Мария умерла в начале двадцатого века, точнее, в девятнадцатом году, во времена «военного коммунизма». И знаешь, от голода.

– Дочка самого Пушкина... и от голода?!

– Просто как-то всё совпадает, – продолжаю я размышлять вслух. – Эта элегантная дама в старомодной шляпке, фиалки, Пушкин...

– От голода? – повторяет Лия.

– Да, это печальная история.

– А сколько детей было у Пушкина? – спрашивает познающая мир и её историю дитя.

– Четверо. И Мария была старшей. Когда она родилась, Александр Сергеевич в одном из писем писал, что жена разрешилась маленькой литографией с его особы. И в самом деле, она была очень похожа на отца – такая же голубоглазая, смугловатая. Пушкин в ней души не чаял. Возвращаясь домой, он нежно целовал жену в оба глаза и потом бежал в детскую к своей Машке, как он её ласково называл. Малышка отвечала трепетной взаимностью, объявляя себя «Пускиной», – у неё долго не появились зубки.

Как-то с их семьёй обедал друг Александра Сергеевича, поэт и критик Пётр Плетнёв. За столом была и Маша. Плет-

* Кинотеатр «Россия». Позже – кинотеатр «Пушкинский», в настоящее время – театр «Россия».

нѐв шутя спросил: «Вот ты, Машенька, совсем скоро вырастешь и станешь красавицей-невестой... За кого тогда замуж пойдѐшь? За какого-нибудь принца, небось?» – «Нет, – не задумываясь, ответила Маша, – за папеньку».

Дочура смеѐтся, а я продолжаю:

– В просторной детской, где со временем стали обитать все четверо деток Пушкина – к Машеньке присоединились Саша, Гриша и Наташа, – стены подпирают мягкие кресла, этажерка с книгами, с детскими портретами, статуэтками, у окна возвышается напольная клетка для канареек и прочих птичек, а на блестящем паркете расстелен персидский ковѐр, на котором нашли себе место игрушки. Почему я говорю в настоящем времени? Да потому что интерьер этот сохраняется и по сей день. Маше особенно нравилась деревянная, в общем-то, простенькая лошадка, с ней она не уставала возиться. Порой и Пушкин присоединялся. И она нередко спрашивала: «Когда ты покатаешь меня на живой лошадке?» Папенька отвечал: «Вот поедем в Михайловское да как взберѐмся на моего любимца Ветерка, да как покачем, только ветер в ушах будет свистеть!»

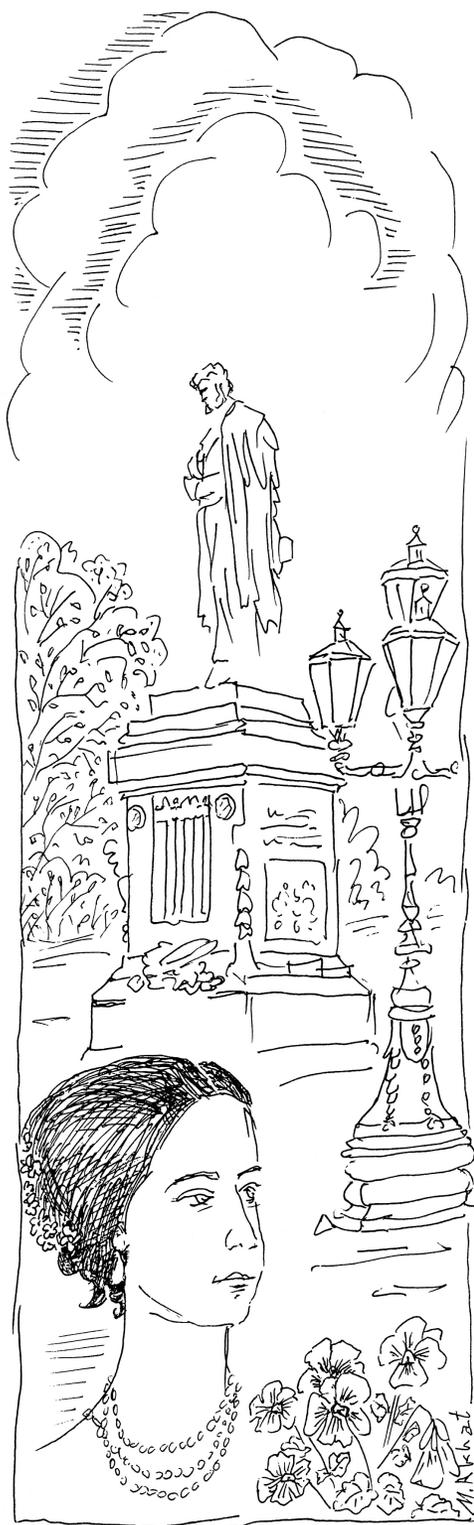
Лия интересуется:

– А ты, значит, бывал в этом пушкинском доме?

– Да, сколько раз! После Москвы и тебя в Питер свожу, сходим в музей-квартиру на Мойке, 12. Александр Сергеич часто менял жилища, и квартира на Мойке оказалась последним его пристанищем. Здесь он принимал мучительную смерть после дуэли с Дантесом.

Я задумываюсь на минуту и читаю импровизированную лекцию дальше:

– На третий день после смертельного ранения, к утру, Пушкин пожелал видеть жену с детьми и свояченицу, то есть сестру Натальи – Александру, чтобы проститься с ними. Дети ещё спали, их принесли полусонными. Он на каждого поднимал взгляд, благословлял каждого, прикладывая тыльную сторону кисти руки к их губам, и потом лёгким движением той же руки отсылал от себя.

Лия слушает с тем серьёзным вниманием и интересом, которые свойственны только заинтересованным лицам или, что нередко, детям.

– К слову, последнюю встречу с отцом запомнила одна лишь Машенька, которой тогда было около пяти лет. Потом, в 1880 году, при стечении большого числа народу она вместе с сестрой и братьями присутствовала на открытии бронзового изваяния своего отца – вот здесь вот, на этой площади, только, как я говорил уже, на другой стороне. – Я живу на улице Горького, которая теперь, как в старину, называется Тверская.

– А Мария Александровна красивая была? – задаёт Лия естественный для девочки вопрос.

У меня сразу перед глазами встаёт её замечательный портрет кисти выдающегося портретиста Ивана Макарова. Этот живописный образ в своё время я скрупулёзно сравнивал с широко известными изображениями Александра Пушкина и Натальи Гончаровой. Мне не трудно передать впечатление от некогда виденного и немало читанного. И я отвечаю:

– Молодая Мария как-то по-своему была похожа на отца и странным образом женственна и красива. Она очаровывала свет и последующие поколения, в том числе и меня, утончёнными чертами лица и каким-то особым взглядом голубых отцовых глаз. Они и по сей день, если посмотреть на её портреты, а их немало, излучают внутренний свет, доброту, высокий интеллект...

Тут я перевожу дыхание от нахлынувших на меня воспоминаний, когда ещё в юности я с головой погружался в пушкинскую тему.

– Она вот примерно с твоего возраста свободно говорила, читала и писала на французском и немецком языках. На французском лучше. Вся в отца, у юного Александра ведь даже прозвище в лицее было «Француз». Что интересно, Мария и по-русски говорила с лёгким французским акцентом.

– Ну да, – замечает Лия, – у них дома всякие там французы были учителями...

– Действительно, Мария получила домашнее образование, а потом училась в Екатерининском институте благородных девиц. И расскажу тебе то, что мало кто знает. В Туле её представили Льву Толстому. В доме местного генерала за чайным столиком они весьма непринуждённо побеседовали. Внешность Марии чрезвычайно привлекла внимание Льва Николаевича. На ней было лёгкое, лилового цвета платье с косынкой поверх, на шее жемчужное ожерелье, унаследованное от матери, в чёрных волосах на прямой пробор с правого боку небольшая гирлянда анютиных глазок...

Вот ты ещё не читала «Анну Каренину». Это большой и, по мнению знатоков, самый сильный роман Толстого. И вот там он даёт довольно детальный портрет своей героини – Анны Карениной: на голове её, в чёрных волосах маленькая гирлянда анютиных глазок; причёска незаметна, заметны только эти своевольные короткие колечки волос, завершающие причёску сзади; на точёной шее нитка жемчугу.

И я вспоминаю упомянутый мной живописный портрет Марии, на котором Макаров как раз изобразил и жемчужное ожерелье, и гирляндку васильков.

– Надо же, как всё совпадает! – повзрослому удивляется дочь.

– И потом сам Лев Николаевич признавался, что внешность, что вообще общий образ Анны Карениной он взял с Марии Александровны. Она сразу заставила обратить на себя внимание. А когда Толстой узнал, что перед ним дочь Пушкина, воскликнул: «Теперь я понимаю, откуда у неё эти породистые завитки на затылке».

– Как же дальше сложилась её жизнь? – не перестаёт интересоваться дочь. – Были ли у неё детки?

– Несмотря на красоту и образованность, она долго не выходила замуж –

отвергала все лестные предложения руки и сердца. Но вот перед молодым генерал-майором Леонидом Гартунгом устоять Мария в свои двадцать восемь лет не смогла. Офицер высшего командного состава кавалеристов Леонид Николаевич Гартунг был человеком чести, но не тщеславия, устойчивых жизненных правил, но не приспособлений, при этом добр и отзывчив. Кстати, он был на два года младше её.

В этот момент на голову памятника садится голубь. Лия вскидывает руку, будто хочет согнать птицу, но не вскакивает с места, не перебивает меня. Понятливый сизарь поспешно взлетает, и я практически не останавливаюсь в своём рассказе:

– Они жили душа в душу. Но счастье длилось недолго. Генерал по ложному доносу был обвинён в хищениях казённого имущества и предстал перед судом. Понимаешь, люди чести, особенно подлинных офицеры, не переносят узаконенной клеветы, и Леонид Гартунг прямо в зале суда застрелился. Это страшно ударило по Марии Александровне, она же прекрасно знала характер своего мужа и его безупречную честность. Детей у них не было, и замуж она больше не вышла.

Я замолкаю, размышляя о человеческих качествах тогда и теперь, но Лия прерывает мои сопоставления некоторых реальных людей вопросом:

– Пап, а чем честолюбие отличается от тщеславия?

Задумываюсь над простым вопросом: в какой плоскости ответить – этической, эстетической, филологической... И склоняюсь к последней, из которой пристекает всё остальное:

– Понятие тщеславия происходит от слова «тщета», а честолюбие от слова «честь». Чувствуешь разницу?

– Почему же люди часто выбирают плохое взамен хорошему? – не унимается моя почемучка.

– Потому что хорошее и справедливое достигается большим трудом,

силой воли, порой в бескомпромиссной борьбе и лишениях и, как видишь, даже ценою жизни.

Вопросы почемучки, как правило, скачут с одного на другое и обратно.

– Но ты так и не рассказал, как это дочка «нашего всё» умерла от голода? Я просто не понимаю!

– Такие были времена, дочура. До революции Мария Александровна активно участвовала во всём, что касалось имени её отца. Была попечительницей библиотеки Пушкина. А что касается материального обеспечения, получала пенсию, пожалованную ещё Александром II. Но после октябрьских событий семнадцатого года царская пенсия была отменена. В стране царил разруха, шла гражданская война... У Марии Александровны не было ни денег, ни пайка, ни давно истраченных семейных ценностей. Одинокая, она жила в небольшой комнатке Собачьего переулка Москвы. Сильно голодала, но всё равно находила силы, шла к памятнику на Тверском бульваре и подолгу сидела на скамье подле него. Очевидцы помнили в руках Марии Александровны неизменный букетик анютиных глазок, который она всегда развязывала, и цветы рассеянным образом ложились в подножии её бронзового отца.

Я приобнимаю дочурку и уже потечески мягко:

– Её положение тогда приняла близко к сердцу баронесса Мария Врангель, мать известного «чёрного барона» Петра Врангеля и, что очень важно, известного искусствоведа Николая Врангеля. Она обратилась с просьбой помощи к наркому просвещения Луначарскому. Была создана специальная комиссия, и через несколько месяцев Марии Александровне назначили пенсию за счёт литературно-издательской деятельности Наркомпроса, в том числе и за счёт книг отца. Однако получить её она не успела.

– Почему?

– Потому что... – не сразу отве-

чаю я, – в марте 1919 года Мария Александровна умерла в своей нетопленной комнатке Собачьего переулка.

– Как всё это... просто не знаю!.. – Лия не смогла слова подобрать, чтобы определить бесчеловечность и абсурдность случившегося в далёком и непонятном для неё году. – Хорошо, что Александр Сергеевич не знал и не узнает...

Что тут сказать? Ничего не скажешь! Прочитать лекцию восьмилетнему ребёнку о красном терроре, межклассовой борьбе или манифесте, где предлагалось бросить Пушкина, Достоевского, Толстого с корабля современности?

Лия перебивает мои мысли:

– А если бы Пушкин дожил до взрослых лет Марии?

– То они были бы большими друзьями, – не задумываясь, отвечаю я. – И не только, как родные люди, но и как родственные души в понимании поэтического слова, высокого искусства... Не секрет ведь, что жена Александра Сергеевича, прекрасная Натали, была к поэзии равнодушна. Об этом множество свидетельств современников, да и в многочисленных письмах к ней о своём

творчестве – новых стихах, поэтических планах – Александр Сергеевич совершенно не пишет. Да, он любил её, но тем не менее... А их дочь впоследствии почти все стихи отца наизусть знала.

– А кто была та тётя, которую ты назвал тут Марией Александровной?

– Не знаю, – отвечаю, – просто она очень похожа на всё то, что я рассказал тебе сейчас. Или это реинкарнация... – И поясняю: – Бытует мнение, что люди по своей сути бессмертны, лишь переселяются в другие тела...

– Значит, это и правда была сама Мария Александровна с разноцветными фиалками для отца. С красными, фиолетовыми, жёлтыми анютиными глазками.

– Кто знает?! – повторяю я. – Но переселение из поколения в поколение высокого человеческого духа бесспорно.

Лия поджимает свои атласные губки. Приняла мои слова или нет – непонятно. На прощание мы идём фотографироваться у памятника.

В каком году это было? Давно. Смотрю вот на чёрно-белые фотографии перед собой и пишу эти строки.

21 ноября 2022 г.

